

зование въ цѣляхъ государственной пользы, передъ нимъ открывались, конечно, и эти общія стороны западной образованности; но хотя бы онъ думалъ только о чисто практическихъ нововведеніяхъ, эти стороны тѣмъ не менѣе неминуемо оказали бы свое дѣйствіе, потому что нельзя было брать однихъ чисто практическихъ примѣненій знанія безъ его теоретическихъ основаній, и потому что въ самомъ обществѣ разъ возбужденная любознательность сама должна была искать этихъ основаній. Извѣстно, что преемники Петра до Екатерины II не имѣли никакой ясной мысли о потребностяхъ русскаго образованія и никакого желанія принимать широкія мѣры для его развитія; сама Екатерина, послѣ первыхъ свободномыслящихъ увлеченій, очень заботилась о томъ, чтобы поставить предѣлъ притязаніямъ общественной мысли, но дѣло въ томъ, что, несмотря на тѣсныя практическія цѣли петровской реформы, несмотря на равнодушіе его преемниковъ къ дѣлу просвѣщенія, несмотря на всѣ помѣхи, которыя уже вскорѣ стали представляться для его успѣховъ, въ самомъ обществѣ уже начался и все болѣе развивался этотъ свободный процессъ мысли, въ который завлечены были всѣ живые умы и дарованія, пробужденные для новыхъ потребностей знанія, фантазій и чувства. Екатерина II, отличавшаяся сильнымъ, но холоднымъ и трезвымъ умомъ, поддавалась сама этой внутренней потребности, и въ первые годы своего правленія дѣлила общественное увлеченіе въ область свободной мысли. Наша литература прошлаго вѣка отражаетъ на себѣ разные оттѣнки состоянія общества: въ теченіе всего столѣтія она даетъ образчики того служебнаго положенія, какое указывалось ей политическимъ состояніемъ общества. Безчисленные оды на всякіе торжественные случаи, похвальныя слова и т. п. идутъ съ первой половины прошлаго вѣка и до первой половины нынѣшняго, свидѣтельствуя, конечно, не только о личномъ вкусѣ ихъ авторовъ, но и о цѣломъ общественномъ настроеніи; въ этомъ послѣднемъ еще не было ни самостоятельнаго критическаго сознанія, ни достаточнаго интереса къ болѣе широкому литературному содержанію. Мало-по-малу „ода“ начинаетъ падать; она становится уже только официальной поэзіей, появляется все рѣже, наконецъ дѣлается предметомъ насмѣшекъ: повидимому, въ этомъ упадкѣ ея и въ насмѣшкахъ надъ ней была только устарѣлость этой литературной формы, но въ сущности смѣнилось общественное настроеніе, выросло сознаніе, что литература не есть только форма казенной или придворной службы, но есть независимая дѣятельность, свободное выраженіе общественной